

«Средневековый смех» М.М. Бахтина в рыцарском романе «Мерлин» Робера де Борона*

© 2022 А.А. Аббасова

*Аббасова Алена Арифовна, студент факультета гуманитарных наук (ОП «Филология»)
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: abbasovahel@gmail.com*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Москва, Российская Федерация

*Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-067)
в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Аннотация. В книге о Франсуа Рабле М.М. Бахтин, описывая карнавальную культуру, вводит понятие средневекового смеха и выделяет его функции. Одна из основных особенностей такого смеха, с точки зрения Бахтина, – это «победа над страхом», происходящая за счет разрушения границ и запретов общественной иерархии. В прозаическом переложении рыцарского романа «Мерлин» («Merlin») Робера де Борона, написанном в начале XIII в., смех часто встречается в диалогах между королем Утером Пендрагоном и волшебником Мерлином. Поскольку роман основан на событиях, описанных в хронике Гальфрида Монмутского («Historia Regum Britanniae», 1138) и в переводе на романский язык Васом («Roman de Brut», 1155), а появление смеха в историографии нетипично для средневековой литературы, можно предположить его связь с карнавальными культурами. В докладе мы рассмотрим контекст, в котором возникает смех в романе «Мерлин» и попытаемся определить роль карнавальных образов в «исторических» сюжетах.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, средневековый смех, карнавальная культура, Мерлин, Робер де Борон.

В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин описывает средневековый смех следующим образом: «Отношение к смеху Ренессанса можно предварительно и грубо охарактеризовать так: смех имеет глубокое мирозерцательное значение, это одна из существеннейших форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке; это особая универсальная точка зрения на мир; видящая мир по-иному, но не менее (если не более) существенно, чем серьезность; поэтому смех так же допустим в большой литературе (притом ставящей универсальные проблемы), как и серьезность; какие-то очень существенные стороны мира доступны только смеху» [1, с. 78]. Бахтин также выделяет несколько функций средневекового смеха: всенародность, амбивалентность, универсальность. В рамках исследования мы рассмотрели проявление некоторых из этих функций и аспектов на примере эпизодов рыцарского романа «Мерлин» и попробовали проследить связь между этими эпизодами и средневековой карнавальными культурами.

Первый эпизод, который мы рассмотрим – смена облика короля Утера перед зачатием Артура. Король Утер, влюбившись в Ижерну, обращается к волшебнику Мерлину с просьбой о помощи. Мерлин с помощью волшебных трав меняет облик короля, сделав его похожим на герцога (мужа Ижерны), за счет чего Утеру удастся ночью проникнуть в замок Тинтажель, и в эту ночь происходит зачатие Артура. В одной из вариаций прозаического переложения романа, изданной в цикле «Le livre du Graal», Мерлин смеется перед тем, как решает изменить облик короля: «A ces mots, Merlin se mit a rire et dit: Quand vous aurez prêté serment, je vous dirai comment cela pourra se faire. Le roi fit alors apporter les meilleurs et les plus saintes reliques qu'il possédait et il jura sur elles et sur la bible ce qui avait été convenu à savoir qu'il lui donnerait en toute bonne foi et sans tromperie ce qu'il lui demanderait» [2, с. 723–724].

Здесь, на наш взгляд, можно увидеть сразу два аспекта средневекового смеха, связывающих его с карнавальной культурой. Во-первых, это само переодевание, изменение облика, характерное для карнавала. Во-вторых, то, что за счет этого переодевания разрушается иерархия. Утер из короля становится герцогом, меняя свой социальный статус, и только так он может добиться своей цели – встретиться с Ижерной. В средневековом карнавале все равны, иерархия, присущая «официальной культуре», в нем перестает существовать. Бахтин пишет, что смех «освобождает не только от внешней цензуры, но прежде всего от большого внутреннего цензора, от тысячелетиями воспитанного в человеке страха перед священным, перед авторитарным запретом, перед прошлым, перед властью» [1, с. 106]. Так, волшебник смеется с королем, а король переодевается в герцога.

Другой эпизод, раскрывающий разрушение иерархических границ – насмешка Мерлина над рыцарем. Мерлин с легкостью перекладывает меч из одной руки в другую и говорит стоящему перед ним рыцарю попробовать сделать так же. Рыцарь пытается, но ему не удается это сделать и волшебник начинает смеяться. Когда рыцарь спрашивает, почему тот смеется, Мерлин отвечает: «*Je ris... de che que vous le cuidiés empuingnier*» [5, с. 58]. Рыцарь выше по своему социальному статусу, чем волшебник, поэтому такая насмешка неуместна для официальной культуры и вновь с помощью смеха будто разрушает выстроенную в ней иерархию.

Бахтин пишет об амбивалентности средневекового смеха: он убивает и в то же время возрождает. По его словам, «острое ощущение победы над страхом – очень существенный момент средневекового смеха. Это ощущение находит свое выражение в ряде особенностей смеховых образов средневековья. В них всегда наличен этот побежденный страх в форме уродливо-смешного, в форме вывернутых наизнанку символов власти и насилия, в комических образах смерти, в веселых растерзаниях. Все грозное становится смешным» [1, с. 104].

В прозаическом переложении романа «Мерлин», изданном Гастоном Парисом, встречается эпизод, в котором Мерлин проходит через город и видит похороны ребенка. Посмотрев на клириков, поющих и несущих тело, волшебник останавливается и начинает смеяться, вызывая удивление окружающих: «*Et Merlins vit che duel et les prouvoires et les clers qui chantoient et qui portoient le cors entierer moult vistement, si commencha a rire et s'arrestut. Et li message li demanderent pour coi il rioit*» [4, с. 50]. Здесь в лице Мерлина заметно изменение отношения к смерти, предположительно, из-за связи текста с карнавальной культурой.

С точки зрения Бахтина, смех – одна из «существеннейших форм правды о мире» [1, с. 78], лишь через смех появляется возможность увидеть мир таким, какой он есть на самом деле, смех – особая точка зрения на мир. Исследователь Филипп Менар в своей работе о смехе и улыбке во французском куртуазном романе отмечает, что в цикле под названием «Вульгата Мерлин», куда входит и рассматриваемое нами прозаическое переложение романа Робера де Борона, смех встречается около 50 раз, и смеется чаще всего сам Мерлин [см.: 3, с. 425].

Еще Гальфрид Монмутский в своей латинской хронике «История королей Британии» (и в «Жизни Мерлина») описывает пророчества этого великого волшебника, которые всегда сбываются. Например, именно он предсказал рождение короля Артура, которому удастся объединить все земли. Таким образом, можно предположить, что частый смех Мерлина объясняется его особенностью, его магическими способностями. Он словно отделен от остальных и единственный видит правду о жизни, недоступную другим. Это можно проследить и в самом романе на примере нескольких эпизодов, в которых Мерлин смеется и предсказывает, что произойдет в будущем: «*Quant Merlins vit le vilain, si en rist. Et li message qui le menoient li demanderent pour coi il avoit ris. Et Merlins dist: "Pour che vilain que vous veés chi. Ore li demandés que il veut faire de che cuir que il em porte, et il vous dira que il en vaurra ses sollers affaitier. Et vous le sivrés, et je vous di que il sera mors avant que il viegne en sa maison"*»; «*Merlin, accompagnant les messagers, traverse une ville; il voit un vilain qui reporte chez lui du cuir qu'il vient d'acheter pour réparer ses souliers, et il se met à rire; interrogé, il explique que le vilain sera mort avant d'arriver chez lui; deux des messagers le suivent et le voient, en effet, tomber mort*

sur le chemin» [4, с. 49, 280]. По мнению Менара, этот смех пророческий, в лице Мерлина как бы раскрывающий правду жизни, что указывает и на связь с карнавальной культурой. Герой часто смеется перед важными открытиями, как и в приведенных эпизодах [3, с. 425].

Если посмотреть на предшествующие роману «Мерлин» тексты, в которых излагается история жизни этого волшебника (произведение «Жизнь Мерлина» Гальфрида Монмутского, написанное около 1150 г. и его же латинскую прозаическую хронику 1138 г. под названием «История королей Британии» («*Historia Regum Britanniae*»), а также вольный перевод этой хроники на народный «романский» язык – «Роман о Бруте» («*Roman de Brut*»), выполненный Васом около 1155 г.), можно заметить, что в хронике речь Мерлина не сопровождается смехом, но уже в «Жизни Мерлина», написанной чуть позже, есть эпизод, в котором герой смеется, а в «Романе о Бруте» смех, по наблюдению Менара, встречается уже 8 раз [3, с. 425]. Исходя из этого, можно проследить развитие образа героя. В первоначальном источнике – хронике Гальфрида Монмутского смех Мерлина отсутствует, в его же «Жизни Мерлина» и у Васа он встречается редко, а в прозаическом переложении романа Робера де Борона речь Мерлина периодически сопровождается смехом, который становится одной из составляющих его образа.

Таким образом, учитывая все приведенные ранее эпизоды и их связь с некоторыми из отмеченных Бахтиным функций и особенностей средневекового смеха (разрушение иерархии, избавление от страха, карнавальное переодевание и т. д.), можно предположить связь образа Мерлина с карнавальной культурой. Учитывая эволюцию истории о жизни Мерлина (от Гальфрида Монмутского до рассматриваемого нами Робера де Борона), можно отметить, что карнавальная культура наиболее заметно проникает в этот текст ближе к началу XIII в.

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2). М.: Языки славянских культур, 2010. 752 с.
2. Le livre du Graal. I: Joseph d'Arimathie, Merlin, Les premiers faits du roi Arthur éd. Daniel Poirion et Philippe Walter, Anne Berthelot, Robert Deschaux, Irène Freire-Nunes et al. Paris: Gallimard, 2001. 1917 p. (Bibliothèque de la Pléiade, 476)
3. Ménard Ph. Le rire et le sourire dans le roman courtois en France au Moyen Age (1150–1250). Genève: Droz, 1969. 802 p.
4. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. T. 1 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d'après le manuscrit appartenant à M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacob Ulrich. Paris: Firmin Didot, 1886. XCI–280 p.
5. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. T. 2 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d'après le manuscrit appartenant à M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacob Ulrich. Paris: Firmin Didot, 1886. 308 p.

M.M. Bakhtin's «medieval laughter» in «Merlin» by Robert de Boron*

© 2022 A.A. Abbasova

*Alyona Arifovna Abbasova, student at the Faculty of Humanities
(Educational program «Philology»)
at the National Research University – Higher School of Economics
E-mail: abbasovahel@gmail.com*

National Research University – Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

*The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program
at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-067)

Abstract. M.M. Bakhtin, while describing the carnival culture in his book about François Rabelais, uses the term “medieval laughter” and points out its characteristics. One of the main characteristics of this laughter, according to Bakhtin, is that it destroys the boundaries and restrictions of social hierarchy and, as a

result, defeats the fear of it. In the prose version of “Merlin” by Robert de Boron, written in the beginning of the XIII century, it is possible to notice laughter in the dialogs between the king Uther Pendragon and the sourcerer Merlin. Considering the fact that this romance is based on events previously described in the latin chronicle by Geoffrey of Monmouth (“*Historia Regum Britanniae*”, 1138) and its free translation to “romance” language by Wace (“*Roman de Brut*”, 1155) and the fact that this laughter is unusual for medieval literature, we can suppose its connection to the carnival culture. In this work we will look at the context, in which laughter appears in “Merlin”, and try to figure out the role of carnival motives in “historical” narrative.

Keywords: M.M. Bakhtin, medieval laughter, Merlin, Robert de Boron, carnival culture.

1. *Bakhtin M.M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990. 543 s.
2. Le livre du Graal. I: Joseph d'Armathie, Merlin, Les premiers faits du roi Arthur éd. Daniel Poirion et Philippe Walter, Anne Berthelot, Robert Deschaux, Irène Freire-Nunes et al. Paris: Gallimard, 2001. 1917 p. (Bibliothèque de la Pléiade, 476)
3. *Ménard Ph.* Le rire et le sourire dans le roman courtois en France au Moyen Age (1150–1250). Genève: Droz, 1969. 802 p.
4. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. T.1 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d'après le manuscrit appartenant à M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacob Ulrich. Paris: Firmin Didot, 1886. XCI–280 p.
5. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. Tome 2 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d'après le manuscrit appartenant à M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacob Ulrich. Paris: Firmin Didot, 1886. 308 p.